
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-3/7-22

Научная статья

© А. В. Черных, В. Е. Добровольская

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье на основе экспедиционных материалов 2022 г. рассмотрены различные аспекты изучения и фиксации объектов нематериального культурного наследия Калининградской области. При общих подходах к определению и пониманию содержания феномена, критериев отнесения в федеральном законе тех или иных объектов к нематериальному этнокультурному достоянию (НЭД), регламентации деятельности по формированию реестров объектов НЭД следует учесть, что изучаемый регион имеет свою специфику, связанную с особенностями формирования населения, его расселения, этнического, языкового и конфессионального состава. Целью настоящего исследования является обсуждение возможных подходов к пониманию локальных особенностей этнокультурного наследия. Анализ явлений, так или иначе относимых к традиционной культуре Калининградской области, обнаружил ряд методологических проблем общего характера, что связано как с исторической спецификой региона, так и со слабой разработанностью критериев, по которым тот или иной объект имеет основание получить статус нематериального этнокультурного достояния. Исследования фольклорной исторической и мифологической прозы, техник и технологий добычи и обработки янтаря позволяют утверждать, что данные явления, не только стали брендами территории, но могут рассматриваться объектами нематериального этнокультурного достояния как регионального, так и федерального значения. В то же время говорить о том, что этнокультурное наследие переселенцев относится к нематериальному этнокультурному достоянию, не представляется возможным, поскольку мы имеем дело не с вариантом переселенческой

Черных Александр Васильевич — д. и. н., член-корр. РАН, директор, Институт гуманитарных исследований УрО РАН — Филиал Пермского ФИЦ УрО РАН (Российская Федерация, 614013 Пермский край, Пермь, ул. Генкеля, 4). Эл. почта: atschernych@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7670-3912>

Добровольская Варвара Евгеньевна — к. филолог. н., доцент кафедры общего и славянского искусствознания, Институт славянской культуры, Российский Государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (Российская Федерация, 129337 Москва, Хибинский пр., 6). Эл. почта: dobrovolska@inbox.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2346-7493>

*Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков). Проект «Нематериальное этнокультурное достояние народов Российской Федерации как ресурс сохранения многообразия и формирования российской идентичности» №123101600337-3.

традиции, а с моделью диаспорального типа, когда из локально близких материнских практик выделяются отдельные элементы, из которых формируется некая обобщенная традиция, носящая презентационный и символический характер. С другой стороны, ряд сложившихся явлений в системе хозяйствования приобрели региональную специфику и могут рассматриваться в контексте объектов нематериального этнокультурного достояния.

Ключевые слова: нематериальное этнокультурное достояние, Калининградская область, традиционная культура переселенцев, обработка янтаря, фольклорная историческая проза, мифологическая проза

Ссылка при цитировании: Черных А. В., Добровольская В. Е. Нематериальное этнокультурное достояние в Калининградской области: к постановке проблемы // Вестник антропологии. 2024. № 3. С. 7–22.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-3/7-22

Original Article

© Alexander Chernykh and Varvara Dobrovolskaya

INTANGIBLE ETHNO-CULTURAL HERITAGE IN THE KALININGRAD REGION: PROBLEM STATEMENT

The paper reviews various aspects of studying and recording intangible cultural heritage (ICH) in the Kaliningrad region based on the materials of the 2022 field campaign. This territory is specific due to its history, ethnic, linguistic and confessional structure of the population. This should be taken into account when applying general approaches to defining and understanding the content of the phenomenon, criteria for classifying the ICH objects according to the federal law, and regulation of registers of ICH objects. The purpose of this study is to discuss possible approaches to understanding the specifics of ethno-cultural heritage in this region. The analysis of the phenomena related to the traditional culture of the Kaliningrad region revealed a number of methodological problems in the identification of intangible ethno-cultural heritage, which is explained both by the historical specificity of the region and by the weakness of the criteria used to define a certain phenomenon as intangible ethno-cultural heritage. Studies of folklore historical and mythological prose, techniques and technologies of amber extraction and processing suggest that apart from being brands of this territory, they can reasonably be considered objects of intangible ethno-cultural heritage not only of regional but also of federal significance. At the same time, the ethno-cultural traditions of migrants cannot be considered as ICH, since we are not dealing with a variant of the resettlement tradition, but with a model of the diasporic type, when separate elements of locally close maternal traditions fuse into a single generalized tradition with representational and symbolic power. On the other hand, a number of established phenomena in the economic system have acquired regional specificity and can be considered in the context of intangible ethno-cultural heritage.

Keywords: intangible ethno-cultural heritage, Kaliningrad region, traditional culture of immigrants, amber processing, folklore historical prose, mythological prose
Authors Info: Chernykh, Alexander V. — Doctor of History, Corresponding Mem-

ber of the Russian Academy of Sciences, Director, the Institute for Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences — Perm Branch of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russian Federation). E-mail: atschernykh@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7670-3912>

Dobrovolskaya, Varvara E. — Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of General and Slavic Art Studies, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Desing. Art) (Moscow, Russian Federation). E-mail: dobrovolska@inbox.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2346-7493>

For citation: Chernykh, A. V. and V. E. Dobrovolskaya. 2024. Intangible Ethno-cultural Heritage in the Kaliningrad Region: Problem Statement. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 7–22.

Funding: The article was carried out within the framework of the Scientific Research Program related to the study of the ethno-cultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity for 2023–2025 (headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V. A. Tishkov). Project № 123101600337–3.

Введение

В последние годы в Российской Федерации актуализировались вопросы, связанные с деятельностью в сфере нематериального культурного наследия. Проведение года Культурного наследия народов России с целым циклом конференций, мероприятий, фестивалей по данной тематике (2022) и принятие Федерального закона «О нематериальном этнокультурном достоянии» (2022), — все это значительно повысило интерес и внимание к работе по выявлению, изучению и популяризации нематериального этнокультурного достояния как в стране в целом, так и в регионах России (Черных 2023).

Однако при общих подходах к определению и пониманию содержания феномена, критериев отнесения тех или иных объектов к НЭД в федеральном законе, при регламентации деятельности по формированию реестров объектов НЭД следует отметить, что каждый регион Российской Федерации имеет свою специфику, связанную с особенностями формирования населения, его расселения, этнического, языкового и конфессионального состава. К одному из таких сложных регионов следует отнести и Калининградскую область. Без дискуссии и обсуждения разных вопросов специфики региона, особенностей этнокультурных традиций его населения, сложно ответить на вопрос: «А есть ли объекты этнокультурного достояния в Калининградской области?». И в зависимости от ответа на него, определяются и возможности работы в данном направлении, в решении задач их выявления, документирования, сохранения и актуализации. Таким образом, целями и задачами настоящего исследования является обсуждение возможных подходов к пониманию специфики региона и его этнокультурного наследия.

В основе настоящей статьи лежат материалы экспедиционных исследований авторов в 2022 г. по изучению и фиксации объектов нематериального культурного наследия в Калининградской области. Данная экспедиция явилась одной из серии полевых выездов, целями которых были консолидация научно-практических задач в области нематериального этнокультурного достояния народов России, выявление и поддержка носителей традиционной народной культуры. Ее организаторами ста-

ли Министерство культуры Российской Федерации совместно с Государственным Российским Домом народного творчества им. В. Д. Поленова, а также АНО «Центр развития творческой инициативы «Разноцветье»» (г. Москва, Московская область), а работы в Калининградской области проходили при поддержке ГБУК Калининградской области «Областной Дом народного творчества» (г. Калининград). Участниками экспедиции были научные сотрудники Института гуманитарных исследований УрО РАН (филиал Пермского ФИЦ УрО РАН, г. Пермь).

Маршрут экспедиции включал работу в г. Калининград, г. Советск, пос. городского типа Янтарный, а также в сельских населенных пунктах области — пос. Озерки Гвардейского района, пос. Канаш Неманского района, пос. Бабушкино Нестеровского района, пос. Заливино Полесского района. Работа проводилась среди разных этнических сообществ региона: русских, литовцев, немцев, белорусов (*Вайман 2023*).

Калининградская область как особый субъект Российской Федерации

Калининградская область занимает особое место на этнокультурной карте России. Уникальность региона в том, что его население полностью сформировалось в результате послевоенной миграции (*Григорьева, Мартынова 2017: 5*). История формирования современного калининградского социума начинается после завершения Великой Отечественной войны. На Потсдамской конференции было принято решение о передаче СССР Кёнигсберга и части Восточной Пруссии, 7 апреля 1946 г. на этой территории была образована Кёнигсбергская (с 1946 г. — Калининградская) область в составе РСФСР (*Григорьева, Мартынова 2017: 5*).

Миграционные процессы и формирование населения области начались сразу после завершения военных действий. Исследователи выделяют несколько периодов миграции. С апреля 1945 до августа 1946 г. ведущую роль в формировании советского населения играли военнослужащие, в том числе демобилизованные, репатрианты, а также советские и партийные работники, направленные министерствами и ведомствами. Второй этап (август 1946–1954 гг.) отличался наиболее высокими темпами миграции, прежде всего, за счет планового переселения на новые территории, особенно активно проходившего в 1946–1949 гг. На третьем этапе, во второй половине 1950-х гг. миграционные процессы заметно сократились и начали уступать место естественному приросту населения области (*Маслов 2002: 17–19; Манкевич 2020: 89*).

Начало массового заселения новых для России территорий связывается с постановлением Совета Министров СССР от 9 июля 1946 г. (*Костяшов 1996: 82*). Переселенцев в Калининградскую область дали все республики СССР, однако наибольшими по численности в 1948–1950 гг. были РСФСР (74,6%), Белорусская ССР (12,4%), Украинская ССР (7,2%), Литовская ССР (4,3%) (*Костяшов 1996: 86*). В организации сельского расселения реализовывался принцип компактного размещения выходцев из одних и тех же областей. Например, население 6 районов Калининградской области формировалось в основном за счет выходцев одной области. В Черняховский район в 1946–1949 гг. прибыло 14 326 чел., в том числе из Курской области — 7 114 чел., из Калужской — 4 775 чел., из Белоруссии — 1 392 чел., что составило в сельском населении района 50%, 33% и 10%. На выходцев из остальных регионов страны приходилось 7% (*Костяшов 2009: 133–142; Григорьева, Мартынова 2017: 9*). Рубежом в формировании современного населения региона можно считать

1950 г. К этому времени была закончена депортация основной части оставшихся немцев в Германию, и население стало однородно переселенческим и советским. С этого периода резко сокращается иммиграционный приток из других регионов (*Костяшов* 1996: 86). В последующие годы, вплоть до 1990-х гг. естественный прирост был основным в демографических процессах, хотя сохранялись и миграционные потоки (*Григорьева, Мартынова* 2017: 10).

При этом регион отличал полиэтничный состав населения. Полиэтничность при значительном преобладании русских характерна и для современной этнической карты региона. Согласно данным последней Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. среди 1 029 966 жителей области, 886 706 указали свою этническую принадлежность, в списке Калининградской области около 120 народов. Согласно данным последней переписи населения, наиболее многочисленным этническим сообществом региона являются русские (809 546 человек, 91,3% от всех, указавших этническую принадлежность), далее следуют украинцы — 12 515, 1,4%, белорусы — 11 360, 1,3%, армяне — 8 379, литовцы — 4 279, немцы — 4 118, татары — 3 250, узбеки — 2 581, азербайджанцы — 2 555, поляки — 1 402, таджики — 1 015, цыгане — 989 и другие (Национальный состав 2020).

Спецификой Калининградской области является то, что переселенцы из разных регионов приносили свои традиции, которые адаптировались к новым природно-климатическому и этнокультурному ландшафтам, новой социальной среде региона. При общности основных тенденций, которые выражались в нивелировании этнических и региональных особенностей, преобладающем влиянии русского языка, русской культуры и русского уклада жизни (*Григорьева, Мартынова* 2017: 11), следует отметить, что эти процессы по-разному происходили в условиях городской среды, в сельских поселениях и у разных этнических групп. Предпосылками для сохранения ряда этнокультурных особенностей и этнической идентичности в сельской местности явились компактность проживания выходцев из одной территории, связи с родиной выхода переселенцев, особенно среди групп, происходящих из сопредельных регионов Белорусской и Литовской ССР. На традиции переселенцев оказали влияния и культурные особенности немецкого населения, что проявилось не только в сохранении планировки поселений, немецкой архитектуры, в том числе и жилищ, но в восприятии техники и навыков хозяйственной деятельности, поскольку в первые годы переселенцы взаимодействовали с коренным немецким населением. Все эти процессы в целом определили специфику культурного ландшафта Калининградской области и стали значимыми при выявлении и изучении специфики нематериального культурного наследия региона.

Историческая память и устная историческая проза

Поздний характер формирования современного населения Калининградской области обусловил особенности исторической памяти в регионе, закрепившейся в семейных преданиях и исторических нарративах. Так как начало миграционных процессов в Калининградской области приходится на вторую половину 1940-х гг., то есть чуть более семидесяти пяти лет назад, в памяти многих жителей сохраняются семейные рассказы о местах выхода родителей, обстоятельствах переезда на новые земли. При этом тексты записывались как от первого, так и от второго, и третьего

поколений переселенцев, не являвшихся непосредственными участниками описываемых событий, и сохранившихся таким образом в процессе устной передачи от поколения к поколению, что также важно для бытования исторических знаний и формирования их как фольклорного жанра.

Во время полевых исследований мы целенаправленно задавали вопросы о миграции, и был записан значительный массив исторических нарративов о переселении, о родине выхода переселенцев. Для иллюстрации приведем лишь несколько текстов из разных населенных пунктов области:

«Я родилась в Калининграде. Моя мама приехала из Кировской области, вятские корни. А папа из Кировоградской области, Украина. Мама приехала в 1954 г. Ее пригласила ее односельчанка, ее муж строил мост эстакадный, он был инженером. Она говорит: «Приезжай, здесь хорошо, есть работа». Фаленский район. д. Верхосунье. Одна приехала. Очень сложно было из деревни уехать. <...> И она получила паспорт, она уехала. Отец здесь служил и остался. Село Владимиро-Ильинка Бобренецкий район Кировоградской области» (г. Калининград).

«Я волжанка. Родилась на берегу Волги, на самом берегу, 1947 года. И с самого дня рождения, в два месяца переехала в Калининградскую область, благодаря родителям. В два месяца меня привезли сюда, я одна из первых переселенцев. Это Горьковская область, село Опалиха. Это сложные те времена послевоенные. Отец пришел, вернулся с войны в 1946, еще служил на Дальнем Востоке. В 1947 я родилась, а так как он вернулся и пошел работать в город, а дом построенный перед войной, был построен в сельской местности, ему обрезали весь огород, ты не работаешь в колхозе, не имеешь права сажать. Он обиженный. Он был здесь в Кенигсберге, в Калининградской области, воевал. Знал как здесь. Но он сперва завербовался на Сахалин. Пока собирались, пока мама плакала горькими слезами, дом бросать только построенный. Приехали в Москву, и поезд ушел на Сахалин с переселенцами, а на перроне стоял поезд Кенигсберг, переселенцы в Калининградскую область. Так я попала сюда. Около Янтарного поселок» Синявино (пос. Янтарный).

«Я уроженка Калининградской области. Мама с Пензенской области, переселенка с 1947 г. А я здесь родилась и живу. Они жили в Пензенской области, какой же район, Терновский район, пос. Красный Икрин. Приехали они сюда после войны, то что там сильная голодовка была, она рассказывала, продуктов совсем не было, сильно голодали. И, видимо, вербовали сюда и они приехали с семьей, с семью детьми. Так и остались здесь. А отец с Калужской области, точно также мама ихняя с детьми приехала. Дедушка погиб. Мама одна осталась и приехала сюда» (пос. Канаш).

«Родина моя — Гомельская область, Веткавский район, родилась я в поселке Репище. Мы приехали, когда взорвался Чернобыль. Мы еще жили там 32 года и приехали мы в 1988 году, 25 апреля. Сюда почему, здесь уже жила сестра моя и двоюродный брат. И посоветовали в больнице, нужно ехать туда с моим здоровьем, где сырая местность. И дети, четверо деток. Но нам и переселенческий билет дали» (пос. Канаш).

«Я родилась на той стороне, в Литве, но выросла с 2 лет здесь. Родители сюда переехали. По маме украинские корни и польские, по папе —

немецкие. И так мы тут выросли. Папа по-немецки говорил. Мама родилась в Литве. У мамы в давние времена родители, когда на Украине голод был, дед, отец переехали в Литву, а бабушка польских корней» (г. Советск).

Работа и фиксация нарративов о переселении и особенностях обустройства на новых землях проводилась и калининградскими историками, часть массива воспоминаний опубликована (Восточная Пруссия 2003).

Данные тексты семейных преданий раскрывают особенности переселения. В то же время помимо этой темы, в устной исторической прозе, записанной в Калининградской области, устойчиво присутствуют мотивы обустройства на новом месте, особенностей и характера восприятия «чужого» пространства, немецкого наследия Восточной Пруссии в первые годы переселения, сложностей и специфики взаимоотношений с оставшимся коренным населением (*Добровольская, Вайман 2023*), причин выбора нового названия для населенного пункта и другие.

Эти исторические тексты можно рассматривать и как формирующуюся историческую прозу, и как нарративы, связанные с концептом исторической памяти. Исследователи неоднократно отмечали, что устная проза, хранящая исторические воспоминания, является популярным жанром в народной среде и представляет интерес для изучения истории края и традиционной культуры народа (*Приказчикова 2009: 5*). Среди жанров фольклорной прозы исследователи выделяют предания — устные прозаические рассказы, повествующие о разных исторических событиях и лицах прошлого, претендующие на достоверность (*Азбелев 1993: 275; Феоктистова 2003: 75*). Часто для определения жанра употребляется термин «устная историческая проза» (*Криничная 1993: 5; Приказчикова 2009: 5*). Для преданий характерна своя специфика, сюжеты и мотивы. Имеет их и историческая устная проза Калининградской области. Для нее типичны сюжеты и мотивы, которые не свойственны для старожильческих территорий России. В последние десятилетия, с нашей точки зрения, происходит активная фольклоризация данных нарративов и в них, наряду с реальной исторической основой появляются некоторые особенности их как фольклорного жанра, в частности, идеализация и мифологизация произошедших событий.

Историческую прозу в Калининградской области можно рассматривать как часть устной исторической фольклорной прозы, так и как важный компонент исторической памяти. В том и другом случае данные нарративы играют существенную роль в формировании региональной идентичности калининградцев, в сохранении исторических связей с другими регионами России, а также других стран постсоветского пространства.

В контексте настоящего исследования следует утверждать, что историческая устная проза Калининградской области вполне может выступить объектом нематериального этнокультурного достояния. Значительное число текстов и их активное бытование, важность и значимость данных нарративов для исторической памяти и идентичности жителей региона, особенно в сюжетах и мотивах, раскрывающих специфику региона, выявление типических сюжетных схем выступают основными критериями для отнесения данного объекта к нематериальному этнокультурному достоянию. А для учреждений образования и культуры важным представляется работа по актуализации этого наследия — документирование устных исторических рассказов, проведение мероприятий, в центре внимания которых будет данный объект НЭД.

Янтарное «наследие»

Самым известным и узнаваемым брендом и символом Калининградской области является янтарь. Такие представления характерны как для «внутреннего», калининградского мифа, так и для восприятия региона извне, из других субъектов России и мира. Очевидно, что интерес к янтарю на протяжении многих столетий и развитие янтарного промысла на этой территории обусловлено наличием в регионе самого большого в мире месторождения сукцинита — балтийского янтаря.

Добыча и обработка янтаря на территории современной Калининградской области развивается с глубокой древности. Первоначально янтарь собирали на морском берегу, обычно после шторма, и рассматривали как некий дар морских божеств. Добыча янтаря в тот момент не была промыслом. В Раннем Средневековье прусские племена, населявшие Самбийский полуостров, были основными поставщиками янтаря на мировые рынки Евразии. Постепенно начали формироваться технологии добычи янтаря, основная из которых заключалась в вылавливании янтаря сачками, сначала с берега, а потом и с лодок. С XIII в. после покорения Самбийского полуострова Тевтонским орденом, добыча и реализация янтаря стала монополией Ордена (*Новиков 2007: 33*). В дальнейшем государство всегда оставляло за собой монополию на добычу янтаря, в разные периоды предоставляя ее в аренду купцам, промышленникам и предпринимателям. С течением времени изменялись и способы добычи янтаря. Помимо сбора и ловли его сачком, появилась добыча янтаря в шахтах. Первые примитивные шахты у пос. Янтарный известны с XVI в., позднее стала практиковаться добыча в открытых карьерах. Однако при Тевтонском ордене сложилась достаточно интересная ситуация. Местному населению было разрешено собирать янтарь, но его нельзя было хранить, а главное обрабатывать на территории ордена. Это привело к тому, что в местах добычи янтаря несколько столетий отсутствовал промысел по его обработке. И только в XVI в. в Кёнигсберге стали возникать частные производства по изготовлению ювелирных изделий из янтаря. К 1860-м гг. относят историю возникновения янтарной промышленности в Восточной Пруссии (*Костяшова 2007*).

В 1926 г. была создана Государственная янтарная мануфактура (Staatliche Bernstein-Manufaktur GmbH Koenigsberg i Pr.), которая включала как производства по добыче, так и фабрику по обработке янтаря и изготовлению из него ювелирных изделий (прежде всего знаменитых янтарных бус и брошей) и галантерейных товаров (мундштуков, пуговиц и т. п.).

Становление российского художественного промысла началось в послевоенное время, после включения Калининградской области в состав СССР. С 1947 г. в пос. Янтарный был воссоздан, разрушенный в период Великой Отечественной войны, комбинат по добыче и художественной обработке янтаря. Еще одно предприятие — Янтарный завод действовал в пос. Приморье, который в 1953 г. был объединен с Янтарным комбинатом (*Костяшова 2007: 29*). Как отмечают исследователи, в первые годы на комбинате изготавливали довольно простую продукцию: бусы, кулоны, браслеты, мундштуки, пуговицы (*Лебедев, Смирнов 2019: 37–38*). Особенности становления художественного промысла были связаны с несколькими факторами. Во-первых, с использованием немецкого наследия. И хотя немецкие ювелиры покинули территорию Восточной Пруссии, сохранились изделия немецких мастеров, служившие основой для копирования и формирования собственной производственной линейки. В первые

послевоенные годы на комбинате еще работали местные немцы, что позволяло перенимать технологические навыки обработки камня (Костяшова 2007: 20). Во-вторых, на территории СССР, в Литовской и Латвийской ССР исторически также развивалась обработка янтаря. И хотя не было механического переноса прибалтийских традиций и массового переезда прибалтийских мастеров, определенное влияние прибалтийских ювелиров может быть отмечено в калининградской школе. В-третьих, с самого начала художники калининградского янтарного промысла пытались создать свой стиль. Значимую роль в этом сыграли мастера-камнерезы из других центров художественных промыслов, прежде всего уральских, художники Москвы и Санкт-Петербурга. Важным для формирования местной школы стало постановление Калининградского совнархоза 1959 г. «Об улучшении ассортимента, качества и художественного оформления янтарных изделий» (Костяшова 2007: 70). С начала 1960-х гг. исследователи отмечают сложение калининградской школы художественной обработки янтаря (Лебедев, Смирнов 2019: 37–38). И в настоящее время специалисты признают наличие собственных художественных традиций у калининградских «янтарщиков», отмечая особый «калининградский» стиль в художественной обработке «солнечного камня» (Никифорова 2020). Говоря об особенностях «калининградского стиля», обычно отмечают, что он «творчески соединял декоративность прусских изделий и естественность «солнечного камня» в работах прибалтийских мастеров» (Лебедев, Смирнов 2019: 37–38). В настоящее время, по данным на 2019 г., переработкой янтаря в Калининградской области занимается 150 предприятий, на которых работает свыше 300 человек (Лебедев, Смирнов 2019: 37–38). Дополнением к этому списку можно назвать художников и мастеров, которые трудятся в системе образования и культуры, а также тех, кто работает индивидуально.

Таким образом, мы можем говорить, что в Калининградской области сложились особенности, характеризующие обработку янтаря как художественный промысел, существующий наряду с целым рядом других художественных промыслов в регионах России — косторезным, камнерезным, росписи по дереву и металлу и т. д. Художественная обработка янтаря развивается на предприятиях, а также частными и индивидуальными организациями и мастерами. К настоящему времени сформировалась и система подготовки кадров, и художественное своеобразие «калининградского стиля» в сравнении с изделиями мастеров Польши, Прибалтики, Москвы и Санкт-Петербурга.

Дискуссионным представляется вопрос об отнесении традиций и технологий обработки янтаря к объектам нематериального этнокультурного достояния народов России. Противники, как правило, отмечают «немецкий» характер наследия, на основе которого, собственно, и происходило становление современной техники и технологии данного промысла. Однако с этим можно не согласиться.

Янтарь является природным ресурсом территории современной Калининградской области, соответственно любое население, оказавшись в этом регионе, использует данный ресурс. В таком контексте развитие добычи и обработки янтаря в российской Калининградской области представляется вполне закономерным. Важным для отнесения того или иного явления к этнокультурному наследию является история его существования и развития. В настоящее время, если начинать отсчет с 1947 г., развитию обработки янтаря в регионе насчитывается более 75 лет. Такой срок вполне приемлем для формирования художественных традиций промысла, а

также преемственности в передаче традиций, поскольку за этот период сменилось несколько поколений мастеров. Были переосмыслены не только техники обработки янтаря, характерные для немецких и литовских мастеров прошлого, но появились новые технологии его обработки, как например, работа с прессованным янтарем, с «каленным» янтарем и другие. Значимым, как мы отмечали, представляется формирование собственных художественных традиций и «калининградского стиля». Отметим так же, что вкусовые пристрастия немецких и советских, а затем и российских потребителей существенно различались, что соответственно меняло формы ювелирных изделий и их цветовые решения.

Не менее важным является и формирование комплекса лексики, связанной с янтарем. При беседах с мастерами для обозначения разного янтаря нами фиксировались такие лексемы как «мыло», «чай», «пейзажный», «слойка», «шлам», «костяной», «молочный», «королевский» и т. д. Среди легенд и других фольклорных текстов, объясняющих происхождение янтаря, на территории Калининградской области чаще всего фиксируются мифологические сюжеты, которые заимствованы из литовской мифологии, согласно которой богиня Юрате, жившая на дне Балтийского моря в своем янтарном дворце, разгневалась на молодого рыбака Каститиса за то, что он наловил слишком много рыбы. Юрате поднялась на поверхность, чтобы наказать юношу, но влюбилась в него и забрала юношу к себе во дворец. Они счастливо жили там, пока о любви богини и смертного не узнал громовержец Перкунас. Он разбил своей молнией янтарный дворец на множество кусочков, приковал Юрате к скале на морском дне, а Каститиса убил. Во время шторма кусочки янтарного дворца море выкидывает на берег, напоминая людям о любви богини и смертного. По другой версии Перкунас убил Каститиса и Юрате оплакивает его до сих пор, а слезы богини превращаются в янтарь.

Обработка янтаря, действительно, характеризуется целым рядом особенностей в сравнении с другими художественными промыслами страны. Однако считаем вполне возможным рассматривать традиции и техники обработки янтаря в Калининградской области как объект этнокультурного наследия России. Следует отметить, что критерии отнесения того или иного явления к объектам нематериального наследия до настоящего времени не разработаны в полной мере, т. о. на примере дискуссии с обработкой янтаря решаются и важные методологические вопросы.

Мифы и легенды Калининградской области

Мифологические рассказы в Калининградской области — это особое фольклорное и художественное явление, которое во многом определяет самобытность этого региона и стало одним из факторов формирования региональной идентичности как области в целом, так и отдельных его населенных пунктов.

Особенностью основного пласта мифологических текстов Калининградской области является то, что многие их сюжеты и персонажи связаны с местной немецкой историей. Эти нарративы оказываются составляющей образа прошлого региона, важным способом его осмысления и переживания. Наличие значительного пласта таких текстов объясняется судьбой Калининградской области. Во-первых, длительной по времени досоветской историей этого региона — Восточной Пруссии, наличие значительного числа замков, храмов, других архитектурных сооружений

Средневековья и Нового времени. Во-вторых, сменой местного населения в послевоенный период. По этой причине происходит мифологизация многих явлений, так как прервалась естественная передача фольклорной традиции от поколения к поколению, однако остались и сохранились многие артефакты и памятники, которые подлежали осмыслению в контексте фольклорной традиции.

Можно привести лишь несколько характерных сюжетов мифологических рассказов региона. В г. Калининграде таким мифом являются нарративы о подземном Кенигсберге — целой системе подземелий, ходов, бункеров, тоннелей и помещений другого назначения. Предполагается, что частично эти сооружения были затоплены и забаррикадированы немцами при наступлении советской армии. Почти повсеместно фиксируются тексты о немецких кладах, оставленных прежними жителями. Отчасти такие рассказы подкрепляются реальными находками кладов посуды, другой утвари и бытовых предметов. Однако происходит фольклоризация таких историй, появление разных фольклорных мотивов в данных текстах и их активное бытование.

С фортом № 5 «Король Фридрих Вильгельм III» г. Калининграда связана целая серия рассказов о появлении призраков в белых одеждах. Подобные тексты есть также о значительном числе замков, расположенных в разных районах Калининградской области. Если говорить о преданиях и сюжетах, относящихся к историческим личностям, в качестве примера можно привести нарративы о липе, посаженной Наполеоном Бонапартом в бытность его пребывания в г. Советск (Тильзит).

В последние десятилетия произошла значительная актуализация данного пласта устной прозы. Это обусловлено несколькими причинами. С одной стороны, изменением вектора отношения к прусской истории и повышением интереса к прошлому региона (Григорьева, Мартынова 2017: 14–16). Исследователи отмечают, что интерес к историческим событиям и личностям присущ, практически, всем жителям Калининградской области, независимо от возраста и уровня знаний (Мартынова, Гурко и др. 2022: 168). С другой стороны, мифология выступает важным источником формирования неповторимого и привлекательного образа Калининградской области, важным ресурсом для развития туризма. Активный приток туристов и ее развитие как российского туристического кластера обусловило также интерес и актуализацию этого пласта наследия. Следует отметить, что источниками для мифов и легенд городов и поселков региона служит не только современная устная традиция. В последние десятилетия появилась возможность познакомиться и использовать опубликованные тексты мифологических рассказов, легенд и преданий Восточной Пруссии, собранных и опубликованных в XIX — первой половине XX в. немецкими фольклористами (Reusch 1838; Pohl 1994). Популяризации этого регионального культурного пласта способствует и тот факт, что в настоящее время данный комплекс текстов и представлений является не только достоянием устной традиции, но и литературного творчества (Маленькие легенды 1995; Каушанов 1996; Храппа 2010; Кулаков 2022 и другие). По числу опубликованных подобных работ можно утверждать, что регион занимает одно из первых мест в России.

Отнесение данного пласта устной прозы к нематериальному культурному наследию региона может быть вполне закономерным. Эти нарративы в настоящее время играют важную роль в местном социуме, являясь не только фактом устной прозы, но и основой для формирования региональной идентичности. В общем контексте деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния в других регионах

России мы также имеем примеры, когда комплекс текстов и представлений мифологического и исторического характера рассматривается как объект нематериального этнокультурного достояния (Антология 2022: 63).

Этнокультурные традиции в Калининградской области

Экспедиционная работа в Калининградской области включала также исследование этнических сообществ, как в условиях городского (г. Калининград, г. Советск), так и сельского расселения (пос. Канаш, Озерки, Заливино, Бабушкино). В период работы экспедиции было организовано изучение четырех этнических сообществ — русских, белорусов, немцев и литовцев. В контексте нашего исследования нематериального этнокультурного достояния можно было предполагать, что именно этнокультурная составляющая будет возможно основной для выявления объектов наследия. Однако следует согласиться и с другими исследователями этнокультурной ситуации в Калининградской области: «В силу исторических причин на этой земле быстрее, чем в целом по стране, шёл процесс нивелирования этнокультурных отличий. Этому способствовал не только тяжёлый послевоенный быт на новом месте. Здесь ускоренными темпами происходило естественное смешение выходцев из разных областей и республик страны. Старшее поколение, которое обычно является носителем традиций, во многих случаях находилось далеко, поэтому популярным был современный образ жизни. <...> Быстро шёл процесс нивелирования этнических и региональных особенностей» (Григорьева, Мартынова 2017: 11–12). Сохранение языка и этнокультурных традиций в большей степени зависело от семейных коллективов и выбора индивидуальных стратегий, даже компактность проживания выходцев из одного района и этнической группы не обеспечивала сохранение и воспроизводство комплексов этнической культуры. В этом контексте в изучаемых этнических сообществах этнокультурные особенности можно характеризовать как развивающиеся по диаспоральному типу, для которых свойственны, прежде всего, этнокультурные символические маркеры, символические универсальные культурные формы, нежели возникшие переселенческие собственные варианты локальных традиций. По этой причине этнокультурная составляющая в данном случае не может выступать нематериальным этнокультурным достоянием.

В это же время, в Калининградской области мы имеем и другие примеры, когда на основе перенесенных при переселении навыков и усвоенных «местных» практик формируется новый вариант культурных традиций. Такую особенность экспедиционные исследования зафиксировали в пос. Заливино Полесского района, расположенного на берегу Куршского залива. После окончания войны в поселок приехали переселенцы из Новгородской области, преимущественно с сельских территорий, разоренных в ходе немецкой оккупации. Задача, которая была поставлена организовавшемуся коллективному хозяйству — наладить рыболовный промысел и специализацию колхоза. Однако новгородцы ничего не знали не только о местных принципах рыболовства, но и в целом о данном типе хозяйственной деятельности, и продолжали ориентироваться на выращивание зерновых и овощей. Однако рыболовством им нельзя было не заниматься как по географическому расположению поселка, так и, учитывая поставленные задачи. В первые годы рыболовством новгородцы занимались совместно с оставшимся немногочисленным местным немецким

населением, перенимали их навыки. Однако после выезда последних в Германию, переселенцы столкнулись с недостатком опыта в рыболовстве на Куршском заливе. Они попробовали ориентироваться на литовских рыбаков, но строение лодок у русских переселенцев и литовцев было различным, что не позволяло новгородцам использовать литовскую технологию ловли сетями с лодок. В итоге для усиления колхоза и развития рыболовства в поселок были направлены семьи потомственных рыбаков-азовцев из поселений по берегам Азовского моря. Азовцы принесли в том числе и свои, традиционные способы морского рыболовства, которые были адаптированы к местным реалиям. В итоге синтеза местных традиций и традиций, принесенных азовцами, сложился новый вариант рыболовного промысла в поселке.

Для сформировавшейся его локальной версии характерен целый культурный комплекс, связанный с технологиями изготовления сетей, бытованием разных вариантов рыболовных снастей, способов их установки и ловли рыбы с их помощью. Отметим также, что сформировался местный пласт лексики, касающийся рыболовства. Производством сетей и переработкой рыбы занимались не только в колхозе, но и в домашних хозяйствах. Наличие большого количества рыбы обусловило развитие традиций, связанных с ее переработкой и включением рыбных блюд в повседневный и праздничный рацион. Мы не будем в настоящей статье останавливаться на особенностях рыболовства в данном районе, характеризовать лексику рыболовства, сложившиеся традиции изготовления снастей и их использования (подробнее об этом см.: *Добровольская, Вайман 2023*). Однако следует констатировать, что на основе синтеза местных немецких практик, новгородских северных и азовских южных навыков возник новый вариант культурных традиций, который можно рассматривать как объект нематериального этнокультурного достояния.

Выводы

Таким образом, на примере Калининградской области мы видим некоторые методологические проблемы в понимании наследия и критериев отнесения к нему тех или иных явлений. Особенность местной ситуации обусловлена двумя факторами. Во-первых, спецификой Калининградской области и ее истории. Во-вторых, в целом слабой разработанностью критериев, по которым тот или иной объект получает статус нематериального этнокультурного достояния. С нашей точки зрения, проанализированный пласт реалий духовной культуры, включающий устную прозу (как в рамках семейных преданий и нарративов, так и текстов мифологических рассказов, легенд и преданий), техники и технологии обработки янтаря вполне могут претендовать на включение в список объектов нематериального этнокультурного достояния, выступающих в этом качестве как на региональном, так и федеральном уровнях. Более дискуссионным представляется вопрос об отнесении к таким объектам регионального этнокультурного наследия. Экспедиционные исследования показали, что, с одной стороны, его развитие в Калининградской области в силу ряда причин шло не по пути формирования местного локального варианта переселенческой традиции с появлением характерных особенностей, а по модели диаспорального типа, когда воспроизводимые традиции в значительной степени носят презентационный и символический характер, а большую роль в их бытовании играет взаимодействие с метрополией. В то же время ряд сложившихся явлений в системе хозяйствования,

других этнокультурных комплексах приобрели региональную специфику и могут рассматриваться как объекты нематериального этнокультурного достояния регионального масштаба, а в некоторых случаях и презентовать регион на федеральном уровне. Мы рассмотрели в качестве такого примера материал о развитии рыболовства в поселках на берегу Куршского залива, однако дальнейшее проведение полевых фольклорно-этнографических исследований в области, несомненно, позволит выявить и другие, не менее интересные и уникальные комплексы. Полученные данные могут не только стать основой для формирования регионального реестра объектов нематериального этнокультурного достояния, представлять регион на федеральном уровне, но и послужить основой работы по актуализации наследия в современной социокультурной деятельности.

Источники и материалы

- Азбелев* 1993 — *Азбелев С. Н.* Предание // Восточно-славянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии. Минск: Изд-во «Навука і тэхніка», 1993. С. 275.
- Восточная Пруссия 2003 — Восточная Пруссия глазами советских переселенцев / Ю. В. Костяшов, С. П. Гальцова, А. Н. Гедима и др. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003. 333 с.
- Каитанов* 1996 — *Каитанов О.* Древние и современные легенды Пруссии: (Вольный пересказ хроник, саг, преданий) // Запад России. 1996. № 2 (16). С. 146–149.
- Криничная* 1993 — *Криничная Н. А.* Предания о заселении и освоении края // Восточно-славянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии. Минск: Изд-во «Навука і тэхніка», 1993. С. 277.
- Кулаков* 2022 — *Кулаков В. И.* Сказания Куршской косы // Проблемы межрегиональных связей. 2022. № 17. С. 6–9.
- Маленькие легенды 1995 — Маленькие легенды Королевской горы. Кенигсбергские тайны. Сост. С. Трифонов, ред. А. Семенов. Калининград: Тип. ИПО, 1995. 16 с.
- Национальный состав 2020 — Национальный состав и владение языками. Итоги ВПН — 2020 Том 5. Tab. 1. // Федеральная служба государственной статистики https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения 20.10.2023).
- Приказчикова* 2009 — *Приказчикова Ю. В.* Устная историческая проза Вятского края: материалы и исследования. Ижевск: Уд. ИИЯЛ, 2009. 392 с.
- Феоктистова* 2003 — *Феоктистова И. К.* Предания и легенды русских сибиряков // Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX веков. Очерки истории и быта. Омск: ООО Издательский дом «Наука», 2003. С. 75–85.
- Храппа* 2010 — *Храппа В. В.* Страна аистов: Саги, сказки и хроники Пруссии. М.: ЭНАС, 2010. 224 с.
- Reusch* 1838 — *Reusch R. Fr.* Sagen des Preussisches Samlandes aus dem Munde des Volkserzählt. Königsberg: Druck und Verlag der Hartungschen Hofbuchdruckerei, 1838. 108 s.
- Pohl* 1994 — *Pohl E.* Die Volkssagen Ostpreussens. Hildesheim — New York: Georg Olms Verlag, 1994. 299 s.

Научная литература

- Вайман Д. И.* Работа по выявлению и фиксации объектов нематериального культурного достояния на примере Калининградской области // Культурное наследие Сибири: изучение, музеефикация, презентация, к 30-летию Сибирского филиала Института Наследия: материалы всероссийской научно-практической конференции, Омск, 17–18 мая 2023 года. Омск: Институт Наследия, 2023. С. 38–39.
- Григорьева Р. А., Мартынова М. Ю.* Молодёжь в городах Калининградской области. Серия

- «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Вып. 260. М.: ИЭА РАН, 2017. 132 с.
- Добровольская В. Е., Вайман Д. И. «Свои люди» на «чужой земле»: культура Восточной Пруссии глазами советских переселенцев // Славянская традиционная культура и современный мир: Фольклор в современном обществе: Коллективная монография / отв. ред. В. Е. Добровольская, А. В. Черных. Казань: ООО «Фолиант», 2023. С. 21–30.
- Костяшов Ю. В. Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. Т. 2. История. Археология. Культурная антропология и этнография. М.: Международный научный фонд, 1996. С. 82–88.
- Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. 1945–1956. Калининград: Терра Балтика, 2009. 352 с.
- Костяшова З. В. История Калининградского янтарного комбината. 1947–2007. Калининград: Бизнес-контакт, 2007. 126 с.
- Лебедев С. В., Смирнов В. И. Исторический аспект становления художественного промысла в индустриальную эпоху и особенности развития профессионального образования (на примере художественной обработка янтаря в Калининградской области) // Традиционное прикладное искусство и образование. 2019. № 3. С. 33–41.
- Манкевич Д. В. Население Калининградской области во второй половине 1940-х — 1950-х гг: формирование и демографические процессы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Калининград. 2020. 217 с.
- Мартынова М. Ю., Гурко А. В. и др. На границе со странами Евросоюза: Жизненные стратегии молодежи Калининградской и Гродненской областей. М.: ИЭА РАН, 2022. 332 с.
- Маслов Е. А. Заселение Калининградской области и формирование религиозной структуры ее населения // Балтийские исследования: Сборник научных трудов / отв. ред. И. О. Дементьев. Вып. 1. Калининград: Центр «Молодёжь за свободу слова», 2002. С. 17–33.
- Никифорова А. А. Янтарное искусство: сохранение наследия и развитие новых возможностей // Культурное наследие России. 2020. № 2 (29). С. 53–58. <https://doi.org/10.34685/НИ.2020.29.2.007>
- Новиков А. С. Становление «Янтарной регалии» Тевтонского ордена в Пруссии (XIII–XIV вв.) // Балтийский янтарь: Наука. Культура. Экономика. Научный сборник. Вып. 1/ сост. и ред. З. В. Костяшова. Калининград: Калининградский областной музей янтаря, 2007. С. 30–33.
- Черных А. В. Нематериальное культурное наследие России: проблемы сохранения и презентации // Культурное наследие: современные интерпретации культурного наследия народов России): Сб. ст. / под ред. В. А. Тишкова, С. В. Бааха. Сост. Б. А. Синанов, В. В. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2023. С. 11–30.

References

- Chernykh, A. V. 2023. Nematerial'noe kul'turnoe nasledie Rossii: problemy sokhraneniia i prezentatsii [Intangible Cultural Heritage of Russia: Problems of Preservation and Presentation]. In *Kul'turnoe nasledie: sovremennye interpretatsii kul'turnogo naslediiia narodov Rossii* [Cultural Heritage: Modern Interpretations of the Cultural Heritage of the Peoples of Russia], ed. by V. A. Tishkov, S. V. Baakh, B. A. Sinanov, V. V. Tishkov. Moscow: IEA RAN. 11–30.
- Dobrovolskaya, V. E. and D. I. Vaiman. 2023. "Svoi liudi" na "chuzhoi zemle": kul'tura Vostochnoi Prussii glazami sovetskikh pereselentsev ["Our Own People" in a "Foreign Land": The Culture of East Prussia Through the Eyes of Soviet Immigrants]. In *Slavianskaia traditsionnaia kul'tura i sovremennyi mir: Fol'klor v sovremennom obshchestve* [Slavic Traditional Culture and the Modern World: Folklore in Modern Society], ed. by V. E. Dobvol'skaya and A. V. Chernykh. Kazan: ООО "Foliant". 21–30.
- Grigoryeva, R. A. and M. Yu. Martynova. 2017. Molodezh' v gorodakh Kaliningradskoi oblasti

- [Youth in the Cities of the Kaliningrad Region]. *Series "Issledovaniya po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii"* [Research on Applied and Urgent Ethnology]. Vol. 260. Moscow: IEA RAN. 132 p.
- Kostyashov, Yu. V. 1996. Zaselenie Kaliningradskoi oblasti posle Vtoroi mirovoi voiny. [Settlement of the Kaliningrad Region after World War II]. *Gumanitarnaia nauka v Rossii: Sorosovskie Laureaty* Vol. 2. *Istoriia. Arkheologiya. Kul'turnaia antropologiya i etnografiia* [Humanities in Russia: Soros Laureates. T. 2. History. Archaeology. Cultural anthropology and Ethnography.]. Moscow: Mezhdunarodnyi nauchnyi fond. 82–88.
- Kostyashov, Yu. V. 2009. *Sekretnaia istoriia Kaliningradskoi oblasti. 1945–1956*. [The Secret History of the Kaliningrad Region. 1945–1956.] Kaliningrad: Terra Baltika. 352 p.
- Kostyashova, Z. V. 2007. *Istoriia Kaliningradskogo yantarnogo kombinata. 1947–2007*. [The History of the Kaliningrad Amber Plant. 1947–2007.] Kaliningrad: Biznes-kontakt. 126 p.
- Lebedev, S. V. and V. I. Smirnov. 2019. Istoricheskii aspekt stanovleniia khudozhestvennogo promysla v industrial'nuu epokhu i osobennosti razvitiia professional'nogo obrazovaniia (na primere khudozhestvennoi obrabotka yantaria v Kaliningradskoi oblasti) [The Historical Aspect of the Formation of Artistic Craft in the Industrial Era and the Peculiarities of the Development of Vocational Education (On the Example of Artistic Processing of Amber in the Kaliningrad Region)]. *Traditsionnoe prikladnoe iskusstvo i obrazovanie* 3: 33–41.
- Mankevich, D. V. 2020. *Naselenie Kaliningradskoi oblasti vo vtoroi polovine 1940-kh — 1950-kh gg: formirovanie i demograficheskie protsessy* [The Population of the Kaliningrad Region in the second half of the 1940s — 1950s: Formation and Demographic Processes]. Ph.D. diss., Bryanskii gosudarstvennyi universitet imeni akademika I. G. Petrovskogo. 217 p.
- Martynova, M. Yu., A. V. Gurko et al. 2022. *Na granitse so stranami Evrosoiuza: Zhiznennye strategii molodezhi Kaliningradskoi i Grodnenskoii oblastei* [On the Border with the EU Countries: Life Strategies of Youth of Kaliningrad and Grodno Regions]. Moscow: IEA RAN. 332 p.
- Maslov, E. A. 2002. Zaselenie Kaliningradskoi oblasti i formirovanie religioznoi struktury ee naseleniya [Settlement of the Kaliningrad Region and the Formation of the Religious Structure of its Population]. In *Baltiiskie issledovaniia* [Baltic Studies], ed. by I. O. Dement'ev. Vol. 1. Kaliningrad: Centr "Molodjozh' za svobodu slova". 17–33.
- Nikiforova, A. A. 2020. Yantarnoe iskusstvo: sokhranenie nasledii i razvitie novykh vozmozhnostei [Amber Art: Preserving Heritage and Developing New Opportunities]. *Kul'turnoe nasledie Rossii* 2(29): 53–58. <https://doi.org/10.34685/HI.2020.29.2.007>
- Novikov, A. S. 2007. Stanovlenie "Yantarnoi regalii" Tevtonskogo ordena v Prussii (XIII–XIV vv.) [The Formation of the "Amber Regalia" of the Teutonic Order in Prussia (XIII–XIV centuries)]. In *Baltiiskii yantar': Nauka. Kul'tura. Ekonomika* [Baltic Amber: Science. Culture. Economy], ed. by Z. V. Kostyashova. Vol. 1. Kaliningrad: Kaliningradskii oblastnoi muzei yantarya. 30–33.
- Vaiman, D. I. 2023. Rabota po vyiavleniiu i fiksatsii ob"ektov nematerial'nogo kul'turnogo dostoianniia na primere Kaliningradskoi oblasti [Work on the Identification and Fixation of Objects of Intangible Cultural Heritage on the Example of the Kaliningrad Region]. In *Kul'turnoe nasledie Sibiri: izuchenie, muzeifikatsiia, prezentatsiia, k 30-letiyu Sibirskogo filiala Instituta Nasledii: materialy vs Rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Cultural Heritage of Siberia: Study, Museification, Presentation, to the 30th Anniversary of the Siberian Branch of the Heritage Institute: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Omsk, 17–18 May 2023], ed. by T. N. Zolotova and I. A. Selezneva. Omsk: Institut Naslediya. 38–39.